

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА КАК СОБЫТИЕ БУДУЩЕГО МЕЖДУ НАУЧНЫМ ДИСКУРСОМ И ЗЕРКАЛАМИ ПАМЯТИ*

Французская революция XVIII века – одно из важнейших событий не только национальной, но и мировой истории. Ее герои, принципы и образы широко известны. Кроме того, Революция – это место памяти, которая и сегодня продолжает подпитывать современную историю/историографию, пробивающую себе дорогу между идеологиями, воспоминаниями и политической борьбой. Не удивительно, что этому событию посвящены библиотеки книг, созданные во Франции и за рубежом. Однако при традиционном понимании события из причин его возникновения и контекста Революция продолжает скрывать свои смыслы, «ускользая в будущее» (С. Жижек). В статье на основе работ французских интеллектуалов показано, каким образом на протяжении двух столетий трансформировался образ Революции после десятилетия, которое потрясло мир, на пересечении научного дискурса, коммеморативных практик и социальных репрезентаций во французском социуме сквозь призму меняющегося «порядка времени». Такой подход позволяет выявить скрытые в Революции возможности и написать неисчерпаемую революционную событийность в контингентность истории.

Ключевые слова: *Французская революция, историческое событие, память, историческое время, историчность, контингентность истории, историческая эпистемология*

Всякая история – это история прошлого.

История Французской революции – это история будущего.

Виктор Гюго

Революция и современная проблематика исторического события

Французская революция XVIII в. по праву считается одним из важнейших событий не только национальной, но и мировой истории. Во Франции ее особый статус в ряду похожих событий отмечен заглавной буквой: она до сих пор называется *Революцией*. В советской историографии ее выделяли эпитетом *Великая*. Не удивительно, что этому событию посвящены библиотеки книг, созданные в разных уголках планеты. Но вопрос о природе исторического события до сих пор остается открытым. Однако если раньше историки уклонялись от его обсуждения, то сегодня речь идет о «ренессансе события», изучением которого заняты не только историки, но и философы, антропологи, социологи, литераторы, лингвисты. Важнейшими компонентами переосмысления событийности стало новое понимание роли языка и рассказа в конструировании исторического текста, реабилитация осмысленного действия и

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 14-01-00357а «Событие и время в европейской исторической культуре XVII – начала XX века».

коммуникации в производстве смыслов, а также «переоткрытие времени» и пересмотр взаимоотношений истории и памяти¹.

Изучение событийности в свете этих новаций за последние десятилетия радикально изменило перспективу исторического исследования. Дихотомия структура/событие, столь важная для структурализма 1960-1970 гг., ушла в прошлое. Предпочтение отдается конфигурации событие/ситуация, в которой акцентируется роль исторического актора и его восприятие в процессе трансформации имеющегося и формирования нового. Исследовательский интерес переносится с конкретной личности на коммуникацию, которая и позволяет описывать ситуацию и выявлять смысл события. Иными словами, в центре размышлений историка оказывается историчность, прочитываемая сквозь призму практик взаимодействия, опыта. Междисциплинарное изучение природы события явно ведет к пересмотру устоявшегося понимания причинности. Акцент при этом переносится с «до» того, что имело место, на «после» произошедшего. Другими словами, за дискуссиями о событии скрывается не менее сложная в теоретическом плане проблема темпорального будущего.

Отдельные мысли по этому поводу были высказаны давно. Так, А. Дюпрон в докторской диссертации, защищенной в 1956 г. и опубликованной лишь спустя сорок лет, писал: «Событие достойное этого наименования – это событие, всегда открытое: оно не перестает жить в коллективной памяти... Каждое событие продолжает жить: оно есть уже потому, что было. И оно всегда готово появиться вновь: уже не такое, как было, но в чем-то то же самое»². Мишель де Серто, осмысливая май 1968 года во Франции, подчеркивал, что это «событие не является тем, что можно увидеть или узнать о нем, но тем, чем оно становится (в первую очередь для нас)»³. По сути, это было предложение подумать, как включить в исследование события память и историю, привычное разделение которых, идущее от М. Хальбвакса, к тому времени уже было проблематизировано. Если раньше очень разные историки, условно говоря, от Ж. Мишле до Ф. Броделя стремились объяснить настоящее с помощью прошлого, то теперь они все чаще отказываются от каузальной объяснительной схемы, когда событие интерпретируется в свете породивших его причин, и обращаются к герменевтике события, фокусируя внимание на следах того, что произошло: историка интересует не столько содержание события в момент, когда оно происходило, но тот шлейф трансформирующегося во времени смысла, который и придает такому исследованию открытый характер, ибо в исследовательское поле попадают нереализованные возможности, не замеченные современниками, но неожиданно ставшие важными для потомков. Вновь актуализируется

¹ Dosse 2010; Чеканцева 2014.

² Dupront 1997. Т. III. P. 1662.

³ Dosse 2003.

память, в том числе память, коллективная (социальная, историческая, культурная). С включением когнитивных аспектов в поле зрения историков отчасти связан историографический поворот в историописании конца XX в., одним из воплощений которого является *история истории*.

Это сравнительно новый тип исторического знания, учитывающий не только исторические явления, но и их репрезентации в социуме, а значит и мемориальную слоистость объекта изучения⁴. К. Помьян еще в середине 1970-х гг. писал о том, что время традиционной истории историографии, равнодушной к когнитивной составляющей исторического познания прошло: «Сегодня мы нуждаемся в *истории истории*, которая сделала бы центром своих исследований взаимодействие между познанием, идеологиями, письмом, короче, различные и дисгармоничные аспекты работы историка. Это такая история, которая смогла бы перекинуть мост между историей наук, историей философии и литературы, а, возможно, и искусства. Точнее, между историей знания и историей различных способов его производства»⁵. Прогнозы и предсказания не входят в задачу такой истории. Однако предполагается, что ей по силам учесть основные модусы времени: приоткрыть завесу, скрывающую прошлое, выразить критическое отношение к настоящему и обнаружить связи между уже прошедшим и будущим.

XVIII век, как известно, вращается в XIX столетие, поэтому историки не без труда определяют содержательные хронологические рамки последнего⁶. Но рождается это столетие в обстановке радикального потрясения, которым стала Революция и революционные войны. Из этого «сжатия времени» (Д. Агамбен), совместившего в себе разрыв и преемственность, родился новый режим историчности, который современники почувствовали как темпоральную дезориентацию⁷, а историки заметили лишь во второй половине XX века.

Понятие режима историчности во Франции ввел Ф. Артог отталкиваясь от идей Р. Козеллека, К. Леви-Стросса и М. Салленса⁸. Под этим термином историк понимает «манеру использования социумом своей коллективной памяти для производства установок, с помощью которых прошлое оказывает на него влияние» или то, как общество свое прошлое «поддерживает или хоронит, реконструирует, конституирует, мобилизует»⁹. Через десять лет, Артог представит режим историчности как способ сочленения основных модусов времени: прошлого, настоящего и будущего, подчеркивая, что это не данность, но эвристический инструмент¹⁰.

⁴ Le Goff 1988. P. 172-173.

⁵ Pomian 1975. P. 952.

⁶ См., напр.: Мирзеханов 2015.

⁷ Charle 2011.

⁸ Hartog 2003; Escudier 2009.

⁹ Цит. по: Hartog et Lenclud 1993. P. 29.

¹⁰ Hartog 2003; Артог 2007.

Классический режим историчности воплощен в традиционной модели истории, названной Цицероном *magistra vitae*. В этой модели главную роль в концепте «время» играет прошлое. Именно оно освещает настоящее, являясь для него поставщиком примеров как надо или не надо действовать. Второй режим историчности появился в эпоху Просвещения и постепенно утвердился в XIX в. в качестве доминирующего. Это финалистский или футуристический вариант истории, понимаемой как телеологический процесс. Прошлое в таком режиме историчности это основа настоящего на пути к лучшему будущему (прогресс), свет которого позволяет понять прошлое и настоящее.

Сегодня мы живем в эпоху презентизма: людей интересует главным образом настоящее. Заметное увеличение доли исследований недавней истории – явное тому свидетельство. Уже в 1980-е гг. стало ясно, что «настоящее, находясь между угнетающей непредсказуемостью / бесконечной открытостью будущего, лишенного перспективы, и громоздкой множественностью возвращаемого в своей непрозрачности прошлого, стало категорией нашего понимания самих себя. Но растягивающееся настоящее, где изменение стало постоянным, схватывается только через помеченное шармом прошлое и его новые тайны. Это прошлое, более чем когда-либо склонное к сокрытию секретов, – не только наша “история”, но и наша “идентичность”» (П. Нора). В условиях презентизма будущее оказывается не просто туманным, но опасным и закрытым. Это влияет на восприятие прошлого, которое необычайно интересует публику, но как бы замыкается на самом себе. Его поглощает расширенное «дезориентированное» настоящее. История не пишется больше с точки зрения прошлого или будущего, но с точки зрения настоящего, лишенного какого-либо «горизонта ожидания». Прошлое поэтому предстает как «ускользающее настоящее» (Ф. Артог).

В этих рассуждениях французских историков ощущается, на мой взгляд, влияние концепции времени Ж. Делеза, который видел в событии смысл, рождающийся «в развилке времен» (*ligne de partage*). Размышляя о темпоральной природе события, философ пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Эонами прошлое и будущее¹¹.

Несмотря на перемены в мире и науке, многие категории и установки познания, определяющие исторический дискурс, тесно связаны с моделью истории, типичной для эпохи модерна, хотя она во многом себя исчерпала. Например, давно обоснована в историографии пробле-

¹¹ Делёз 1998.

матичность споров о начале / конце сложного исторического явления или процесса¹². То же самое можно сказать о телеологическом или финалистском восприятии истории¹³. Тем не менее, эти установки продолжают доминировать не только в политических и социокультурных практиках идентификации и национального самоопределения, но и в исторических исследованиях. Неудивительно, что историки задаются вопросом: надо ли в этих условиях совсем отказываться от реконструкции «горизонта ожидания», опираясь на «незавершенные потенциалы» прошлого? (Б. Лепти). Ответ на этот вопрос предполагает поиск новой исследовательской оптики, которая связана не столько с причинностью, сколько с контингентностью истории¹⁴.

Такой поиск предполагает и новые ракурсы изучения Революции: прежде чем использовать скрытые в этом событии возможности, их надо выявить. «Необходимо перевернуть обычную историческую перспективу понимания события исходя из его контекста и причин возникновения, – пишет С. Жижек. – Радикальные освободительные всплшки протеста понять таким образом невозможно... Вместо того, чтобы анализировать их как часть преемственной связи между прошлым и настоящим, нам необходимо привнести в их рассмотрение перспективу будущего..., которое дремлет за настоящим как его скрытый потенциал»¹⁵.

Известно, что при смене угла зрения меняется и вопросник к материалу. В данном тексте речь пойдет не о том, что происходило во Франции в годы Революции и что ей предшествовало, но о том, как эта событийность проявляла себя в социуме после «десяти лет, которые потрясли мир (1789–1799)» (Е. Мягкова). Каким образом ее интерпретировали ученые; как и для чего ее вспоминали; в чем заключается специфика «полу-событий» (П. Ори), называемых коммеморациями; каким образом воспринимали Революцию простые люди, в то время как ученые обсуждали ее проблематику в связи с двухсотлетним юбилеем на многочисленных научных мероприятиях во всем мире¹⁶.

Лабиринты репрезентации Революции: историография, коммеморации, социум

Четверть века назад молодой польский историк, представляя историографию как игру метафор, увлеченно писал о метафоре революции¹⁷. Однако в наши дни отношение и к этому слову, и к революции как явлению радикально изменилось¹⁸. Для одних ученых это понятие сохраняет свое значение при анализе не только прошлого, но и настоящего. Для

¹² См., напр., Антропологическая история: подходы и проблемы 2000.

¹³ См., напр., Черткова 1989. С. 90.

¹⁴ Литвин 2012.

¹⁵ Жижек 2012.

¹⁶ См. Les colloques du Bicentenaire 1991.

¹⁷ Вжосек 1991.

¹⁸ Гордон 2012.

других очевидна необходимость его историзации, поскольку революции нашей современности, в том числе так называемые цветные революции, и известные исторические события эпохи модерна, включая первую французскую революцию, это разные явления и их научное осмысление требует специальных семантических изысканий в поисках новых понятийных одежд. Впрочем, еще Р. Козеллек в статье 1969 г. писал о том, что концепт *революция* отличается большой гибкостью, поскольку его точный смысл необычайно разнообразен¹⁹. Иными словами, только семантических поисков недостаточно, необходимы новые подходы и другие ракурсы изучения революций.

История как специальная дисциплина оформилась лишь в последней трети XIX столетия, известного как «век истории», но последнее на самом деле не совсем верно: большую часть этого века исторические тексты тесно переплетались с философией и литературой. Тем не менее, история в современном ее понимании – дочь нового режима историчности, в котором главная роль в соотношении основных временных модусов перешла от прошлого к будущему. Ф. Артог, иллюстрируя свои размышления о смене моделей истории на рубеже XVIII–XIX вв., ссылается на известные словари эпохи. В 1751 г. в статье Энциклопедии, написанной Д'Аламбером, история предстает в привычном облике «учительницы жизни». Это пока еще не единый процесс, носитель прогресса. Напротив, речь идет не об Истории, но об историях, очень разных по характеру: божественная, человеческая, история природы, история искусств. История людей объединяет прошлое и настоящее, но также настоящее и будущее. Выполняет она и традиционные функции зеркала и суда (прежде всего для государей). Но в «Большом Ларуссе», опубликованном между 1866 и 1876 г., История представлена уже как процесс, как «универсальная религия», «королева и модератор совести», заполняющая души и вдохновляющая право, политику, философию и моральные науки. Вскоре она превратилась в грандиозную теологию, управляющую миром²⁰.

Первая французская революция, как событие прошлого, совпала с изменением «порядка времени» (К. Помьян) и глубокими трансформациями в историописании, а ее двухсотлетний юбилей, сыгравший важную роль в радикальном переосмыслении содержания революционной эпохи в историографии, парадоксальным образом совпадает с новым разрывом в мировой истории, символом которого стало падение Берлинской стены. В глобальном плане история в том виде, как она проявила себя в годы революции, логически тяготеет к универсальной истории, которая не является ни генеалогической, ни национальной,

¹⁹ Koselleck R. Critères historiques du concept de révolution des Temps modernes // Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques. Paris, Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. 1990. P.64.

²⁰ Hartog 2013. P. 10.

поскольку на рубеже XVIII–XIX вв. произошли радикальные перемены в системе ценностей и в способах осмысления исторического. Причем, как показывают современные исследования, это произошло не только в Европе. Уникальность и чрезвычайная сложность Революции объясняют небывалый интерес к этому событию современников и потомков.

Уже участники Революции воспринимали свое настоящее как нечто небывалое и грандиозное, вокруг чего выстраивались образы прошлого и будущего. Из осознания разрыва с прошлым выросло понимание того, что оно ушло безвозвратно. Чтобы закрепить такое понимание надо было «изобрести» предвестников, а то, что сопротивлялось переменам объявить пережитками и как можно быстрее уничтожить. В прошлом был «старый порядок», сословия, монархия, сеньория, повинности... Будущее представлялось совершенным, но его содержание, как и смыслы происходящего, были и остаются до сих пор предметом осмысления. Французские революционеры размышляли не столько о действиях, сколько о словах: *нация, гражданин, конституция, государство, монархия, республика, правительство, диктатура, суверенитет, террор, наследие, свобода, равенство, братство* и пр. Можно сказать, что главным оружием этой революции было слово. Конечно, действия тоже имели значение, но они были столь необычными, что их репрезентация требовала нового языка. То же самое происходило и после завершения революционных войн, когда участники событий сочинили бесчисленное множество воспоминаний о них и о том, что им предшествовало²¹.

Дискурсивное измерение событий эпохи и его связь с ментальными процессами в обществе стала основой новаторской интерпретации революционного «разлома», принадлежащего Ф. Фюре²². Историкам критического направления удалось осуществить реинтерпретацию Революции не как события социальной истории, стержнем которой была борьба классов, но как события в истории дискурсов и коллективного воображаемого, предложившего новый язык и новый образный ряд для объяснения происходящих трансформаций. Французские историки обстоятельно исследовали политический дискурс революции, показав его фундаментальное значение в структуре этого события: участники революционной драмы изобрели новый язык для объяснения происходящего²³. Это стало одной из главных новаций Революции, позволившей выстроить новое пространство политики и культуры и предложить инструментарий для понимания необъяснимых в старых терминах перемен.

В XIX веке чтение исторических свидетельств и анализ настоящего наслаивались друг на друга. Изучая Революцию философы, публицисты, историки, писатели, политики, анализировали неудачи прошлого и

²¹ Zanon D. 2007.

²² Фюре 1998.

²³ Robin 1973; Guilhaumou J. 2000; Certeau, Julia, Revel 2002; Guilhaumou 2006.

искали пути для того, чтобы избежать поражений в настоящем и будущем. Можно сказать, что в интеллектуальной культуре страны формировалось вербальное оружие для повседневных политических баталий.

Значение Революции в процессе апробирования разных форм политического устройства хорошо известно. А.В. Адо писал в этой связи: «За годы революции Франция создала и, если можно так сказать, “экспериментально” испытала несколько типов государственного устройства, адекватного потребностям достаточно уже зрелого буржуазного общества: конституционную монархию с последовательно проведенным выборным началом в организации власти (1789–1792); буржуазно-демократическую республику со всеобщим избирательным правом для мужчин (1792–1793); цензовую буржуазную республику (1795–1799). Характерно, однако, что ни одна из этих государственных форм не смогла удержаться в ходе революции и непосредственно после нее; для конца XVIII в. все они оказались предвосхищением будущего»²⁴. Политическая судьба Франции в этом столетии решалась при активном вовлечении в происходящее истории 1789–1799 гг., в которой далеко не все было завершено: «1830 вновь поставил вопрос 1791; 1848 актуализировал вопросы 1792; 1851 – проблемы 1799; 1871 приумножил ценности 1793»²⁵.

Несмотря на явную политическую ангажированность, историография Революции в XIX в. предложила несколько вариантов оригинальных подходов к этому событию, ставших основой для исторической мысли будущего. Во-первых, это либеральное прочтение Революции, представленное в первой половине века в известных трудах Минье, Тьера, Кине, Гизо, Тьерри. Во-вторых, критическая историография, начало которой связывают с книгой дочери Неккера Ж. де Сталь²⁶, а также с трудами А. де Токвиля²⁷, идеи которого легли в основу «ревизионистского» переосмысления Революции во второй половине XX в. В-третьих, это уникальное историописание Ж. Мишле, романтическое и эрудитское, главным действующим лицом которого был народ и «персона» по имени Франция²⁸. Те, кто революцию не принял или воспринял как катастрофу, наметили различные варианты консервативной историографии. Марксистское видение Революции заложило основу ее понимания как «локомотива истории», идущего к светлому будущему. Эта модель радикально меняла взгляд на революцию, растворяя в ней историю.

Третья республика, утверждавшаяся в сложной ситуации после франко-прусской войны и Парижской коммуны, обеспечила историческому знанию статус автономной науки. Но с Революцией у молодой

²⁴ Адо 1989. С.8.

²⁵ Historiographies. 2010. Т. 2. P. 1192-1193; Bétourné et Hartig 1989.

²⁶ Stael 1818.

²⁷ Tocqueville 1856.

²⁸ Michelet 1847-1853.

республиканской власти сохранялись весьма напряженные отношения, что проявлялось как в историографии, так и в коммеморациях. В историографии первых десятилетий Третьей республики тема революции оказалась не очень комфортной. Ее официальным зеркалом стала работа И. Тэна²⁹. В 1891 г. была создана кафедра французской революции, которую возглавил А. Олар. Она стала центром профессионального изучения революционного опыта на основе сциентистской программы методической школы и – в качестве «бастиона якобинской историографии» (П. Гарсия) – местом политической полемики, в которой защита патриотической истории была столь же актуальна как изучение новых документов. Школьные учебники по истории явились одним из лучших средств контроля над коллективным воображаемым. В начале прошлого века Ж. Жорес в книге «Социалистическая история французской революции» сделал наследниками «Великой революции» социалистов.

В XX в. Революция продолжала оставаться, по крайней мере, до 1980-х гг. привилегированной темой в историографии и своего рода «лабораторией» сменяющих друг друга познавательных моделей. Ее связь с политикой сохранялась, хотя и научные проблемы на материале революционной эпохи истории тоже решали³⁰. Постепенно историю социально-экономическую сменила обновленная политическая история; классическая историография Революции была побеждена и вытеснена историографией критической. Основой этих перемен, на мой взгляд, было эпистемологическое обновление историописания³¹, хотя и политическая ангажированность историков сохранялась.

Современную историографию Революции отличает критический взгляд не только на источники, но и на пройденный наукой путь; в исследованиях Революции учитывается не только история, но и память, не только сознание массовое, но и единичное, склонное сегодня как никогда самостоятельно выстраивать свои отношения с основными темпоральными формами. Осмысливая их, историки все внимательнее присматриваются к предложениям не только философии, но и других дисциплин. Э. Бенвенист, например, писал о необходимости учитывать «сложные темпоральные системы трех уровней»: время физическое (протяженное, однородное, сегментируемое), время хроники (разделенное, направленное, измеримое), время лингвистическое (интерсубъективное, экспериментальное, дискурсивное). Базовым уровнем, в котором укоренены два других, ученый считал «интерсубъективную темпоральность, реактивирующую первичный реверсивный опыт отношения между *я* и *ты*, опыт говорящего и его партнера»³². Получается,

²⁹ Тэн 1907.

³⁰ Хобсбаум 2000; *Historiographies*. 2010. Т. 2. Р. 1199-1213.

³¹ См. Чеканцева 2003.

³² Martin 2005.

что идентичность и инаковость – два обязательных компонента такой темпоральности. Не случайно с переоткрытием времени историки Революции стали активнее изучать темпоральные особенности этого сложносоставного события со множеством действующих лиц, в котором на первом плане оказывается коммуникация. По сути, речь идет не о языке, но об идентичностях разных уровней.

В последние десятилетия в междисциплинарных исследованиях убедительно показано, что взаимоотношения между историографией и коллективной памятью играют решающую роль в конституировании в настоящем отношений к прошлому. Репрезентации или ментальные образы, воплощение коллективного воображаемого революции долгое время сохраняли следы того, что принято для простоты называть республиканским наследием. Эти образы – следствие большой работы по мобилизации символических ресурсов исторического знания в деле воспитания республиканцев в период Третьей республики³³. Важнейшим из таких ресурсов была история Французской революции.

Природа исторического события такова, что рассказ о нем не может быть исчерпывающим и прозрачным. Это можно сказать как о рассказе свидетеля, так и о сочинении историка. В обоих случаях всегда есть место для отбора данных, упрощения сложных связей, акцентирования одних аспектов происходящего и исключения / забвения других. Однако Революция была и остается в памяти как весьма значимое событие. Во Франции ее историю изучают в школе со времен Третьей республики, до сих пор в современных представлениях о Революции нередко доминируют традиционные подходы и типичные для XIX века умолчания и интерпретации. Традиционен и алгоритм описания Революции. В нем выделяют причины, действующих лиц, хронологию, этапы и основные события, содержание которых представлено в бесчисленных исследованиях, основанных на конкретных источниках, прежде всего архивных.

Включение Революции в национальную историю и поддержание памяти о ней позволило «натурализовать» Республику. История Революции участвовала в конструировании коллективной памяти, которая помогала осмыслить истоки современного социума, вписать его в непрерывный поток времени, придать смысл революционному прошлому. Основу содержания республиканского наследия составляют прославление Революции как закономерной и единой, как разрыва со старым порядком, родоначальницы Республики. Такое прочтение 1789 г., широко укорененное в массовом сознании, способствовало созданию естественной и очевидной связи между Революцией и Республикой. Но, несмотря на то, что это давно укорененное республиканское наследие сохраняется, во второй половине XX века оно утратило свое символическое содержание и именно в этой связи французские интеллектуалы говорят о необ-

³³ Amalvi 1995; 2005.

ходимости обновления подходов к истории революционного прошлого с тем, чтобы наполнить новой жизнью республиканскую идею.

Изучение опытов памяти, в том числе коммеморативных мероприятий, связанных с юбилейными датами ключевых исторических событий, позволяет лучше понять взаимоотношения между историей и памятью, а также роль политики памяти в деле формирования исторического сознания социума. Ф. Миттеран, объясняя, что такое коммеморация, говорил, что «народ без памяти не может быть свободным народом». Память помогает «вернуться к самому себе», она необходима для того, чтобы «обновиться», «пробудиться», «подготовить будущее». В то же время она связана с наукой, в частности с историей, особенно когда «речь идет о нашей Революции»³⁴.

В поминании круглых дат истории Революции – 100, 150 и 200 лет – отчетливо проявляется неразрывная связь основных модусов времени. История этих коммемораций свидетельствует о том, что смысл обращения к историческим событиям, давно канувшим в лету, не сводится лишь к совместному поминанию, но всегда обнажает некоторые особенности ситуации в настоящем и одновременно обостряет потребность в размышлениях о будущем³⁵. Эту специфику событий конца XVIII столетия ощущали уже в XIX в. Так, Виктор Гюго отметил в 1875 г., что «все революции – это революции прошлого, но французская революция – это революция будущего». В числе немногих писатель увидел значение Революции в том, что она, предельно сжав историческое время, положила начало радикальному обновлению социума и государства и одновременно изменила порядок времени, а вместе с ним и отношение к истории: *historia magistra vitae* уступила место Истории, устремленной в будущее.

Коммеморации 1789 г. соответствовали уникальному своеобразию революционной эпохи и всегда были довольно сложной задачей для французского государства. Как и десять лет революционного времени, воспоминание о Революции продолжало разделять. Между тем властям важен был консенсус, поэтому надо было учесть конъюнктуру и использовать ритуал коммеморации для обуздания накала страстей. В 1889 г. пришедшие к власти оппортунисты-республиканцы провели всемирную выставку и показали, что они чтут Республику, а также победу французской армии при Вальми. Были поставлены новые памятники знаменитым людям эпохи, но сам революционный порыв, дух революции ищущей легитимации новой власти был не нужен. Образное замечание Ж. Мишле, высказанное в 1847 г. о том, что «монументом революции была – пустота», в 1889 г, в год столетнего юбилея оставалось в силе³⁶.

³⁴ Garcia // Mots, n°31, juin 1992. P.15.

³⁵ Ory 1984; Kaplan 1993; Garcia, Lévy, et Mattei 1991.

³⁶ «L'Empire a sa colonne, et il a pris encore presque à lui seul l'Arc de Triomphe ; la Royauté a son Louvre, ses Invalides ; la féodale église de 1200 trône encore à Notre-

По наблюдению П. Гарсия, политический календарь никогда не был благосклонным во Франции к проведению юбилейных коммемораций Революции³⁷. 1889 г. проблемы были связаны с расцветом буланжизма, в 1939 г. с расколом Народного Фронта. 1989 г. тоже не стал исключением из этого правила. В 1981 г., когда левые пришли к власти, празднование Революции представлялось естественным делом, почти семейным торжеством. Предполагалось провести всемирную выставку. Руководителем комиссии по организации был назначен директор Института французской революции М. Вовель. Однако вскоре ситуация изменилась. В 1984 г. мэром Парижа стал Ж. Ширак, и от идеи проведения выставки пришлось отказаться. Но не только социально-политические реалии усложнили двухсотлетний юбилей. В 1980-е годы изменился и идейный климат. Революционная идея утратила свою убедительность и вошла в полосу глубокого кризиса. В историографии наряду с классическими интерпретациями революции набирало влияние критическое ее видение, пересматривающее основы прежних подходов к революционной истории. Не удивительно, что подготовка к юбилею сопровождалась формированием сетей единомышленников, которые готовились к борьбе за символический капитал и идентификационный маркер. Правые историки во главе с П. Шоню главным аспектом революционного процесса считали проблематику прав человека. По инициативе кружков Кондорсе была создан Комитет Свобода, Равенство, Братство (CLTF), который видел свою задачу в том, чтобы в научных мероприятиях свести к минимуму обсуждение, сохранив обстановку праздника-спектакля для простых людей. Коммунисты в свою очередь выдвинули лозунг «Да здравствует 89-й год!». Переизбрание социалиста Ф. Миттерана на второй срок в 1988 г. изменило институциональный климат двухсотлетнего юбилея. Но научные баталии продолжались³⁸.

В отличие от коммемораций, состоявшихся в 1889 и 1939 г., двухсотлетие Революции продемонстрировало другое состояние этого события и в сообществе историков, и в памяти французов. Аналитики отметили новое отношение к революции как к историческому событию и ее связи с современной политикой, которое присутствовало на научных форумах, в праздничных церемониях, в СМИ. Речь идет о том, что Гарсия назвал «дистанцированием» (*distanciation*)³⁹. Эта отстраненность проявилась в нежелании считать современные политические баталии продолжением революционной эпохи, а также в критическом отношении к политическим мифам, которые доминировали во Франции с 1789 г. Эту новую чувствительность историк считает манифестацией политиче-

Dame ; il n'est pas jusqu'aux Romains qui n'aient les Thermes de César. Et la Révolution a pour monument... le vide... ». Michelet 1847.

³⁷ Garcia 1988.

³⁸ См. Vovelle 1993.

³⁹ Garcia 1991. P. 221-235.

ской зрелости и симптомом формирования другой политической культуры и иной системы ценностей. Она не исключала сохранения традиционных отношений к прошлому, но в целом двухсотлетие ясно показало сложный процесс трансформации французского общества.

Несмотря на то, что коммеморативные мероприятия, связанные с Революцией, всегда тщательно готовились, все они оказывались непредсказуемыми. Смысл коммеморации зависел не только от национального контекста, но и мирового. Это обстоятельство – убедительное свидетельство международного значения Революции. В 1919 г. национальный праздник 14 июля стал демонстрацией силы победившей нации после четырех лет кровопролитной войны. В 1935 г. это был парад социальной мобилизации, протест против фашизма, обещание изменений, первый шаг к новой революции, вдохновленный героическими подвигами предков. Двухсотлетний юбилей Революции проходил на фоне событий в Китае и сложных процессов конца перестройки в Советском Союзе и Восточном блоке, что способствовало радикальному переосмыслению образа Революции и проявлялось как в специализированных научных дискуссиях, так и в средствах массовой информации.

Историки изучают коммеморации Революции как социокультурный феномен, направленный на укрепление связей между людьми и как один из способов конструирования коллективной идентичности. При этом исследуется не только общенациональный уровень, в котором главная роль государства сохраняется, но и мероприятия на локальном уровне, имеющие свою специфику. Национальный уровень – это не только Париж, скорее это, символическое пространство: историческое и медийное. При этом локальные пространства не рассматриваются как периферийные или провинциальные: элементы локального обнаруживаются также в столице и в центральных департаментах страны, если, учитывая национальный масштаб, они все же пытаются заявить о собственной идентичности, привязанной к локальной территории.

Коммеморация это особое историческое событие, включенное в политическую конъюнктуру конкретного хронотопа и историческую культуру социума. Во Франции такие события стали политическими ритуалами. Вспоминать Революцию означает, прежде всего, оживить коллективную память, вписав торжественное поминание этого явления национальной истории в некий временной континуум, который начинался с празднования Революции и продолжался в празднике Республики. Такое наследие аналитики связывают одновременно с амбициями коммемораций и их специфическими формами⁴⁰. По мнению Гарсия, коммеморации Революции свидетельствуют, прежде всего, о политической воле, направленной на решение трех взаимосвязанных задач: предложить народу перформанс, способный консолидировать его как социаль-

⁴⁰ EspacesTemps. 1988.

ное тело; в процессе такого единения, заставить почувствовать «политические узлы», объединяющие граждан между собой; усилить чувство единения посредством эмоций во время праздников⁴¹.

Коммеморация создает связь, обеспечивает социальное сплочение, позволяет вновь пережить «трансфер сакральности» от короля к народу. Для усиления ее общенационального значения она обычно поддерживается гражданскими и педагогическими проектами. Вопреки распространенному пониманию коммеморации, в т.ч. юбилейных торжеств, связанных с круглыми юбилейными датами в истории Революции, историки показали, что это было событие, разделенное на мириады микрособытий, участники которых вкладывали в происходящее собственные смыслы.

«Созданная за два столетия историография революции свидетельствует о том, что понимание этого события сопряжено не столько с открытием новых источников, сколько с обновлением ее видения, интерпретации ее смыслов, – пишет родоначальник «сложного мышления» Э. Морен. – Не удивительно, что влияние коммемораций на эти перемены было весьма ощутимым. Особенно это касается двухсотлетия, когда Революция была децентрирована и деполитизирована, пережив настоящую демистификацию. Это событие больше не рассматривается как блок, обнаружив многогранные стороны своего развертывания. Ее лишили в значительной мере социально-исторического контекста, связанного с насилием. Кроме того, стали различать две революции: одну позитивную, доминирующую, но несколько абстрактную, и вторую, сведенную к террору, которую пытаются отбросить. Большинство продолжает видеть в этом событии основополагающее политическое значение, смысл которого постоянно пересматривается в свете обновленных представлений о политике и природе политического»⁴².

В лабиринтах репрезентации Революции в режиме *longue durée* на пересечении научного дискурса и коммемораций важно учесть и восприятие этого события в социуме. Образы Революции, созданные за два с лишним века в национальной историографии, дополняются здравым смыслом, разлитым в коллективной памяти поколений французов. В совокупности они придают этому событию статус основополагающей легенды французской истории, в лоне которой родились фундаментальные идеи политической культуры модерна: свобода, равенство, братство, республика, права человека, демократия и пр. Французские историки провели исследование состояния памяти в обществе в жанре устной истории накануне и после 1989 г., используя понятие социальной репрезентации. В 1988 и 1991 г. состоялось анкетирование людей на улицах по случайной выборке с целью выяснить, что они думают о Революции⁴³.

⁴¹ Garcia 2000.

⁴² Morin 1988, pp. 41-43.

⁴³ Garcia, Lévy et Mattei 1991.

Результаты анкеты 1988 г. показали, что о Революции всегда говорили охотно. Даже если человек, с которым обсуждали эту тему, практически ничего не знал о событиях двухсотлетней давности, у него всегда было, что сказать о них. Образ Революции, как правило, привязывался к конкретному месту и определенной дате. Особенно часто упоминали Бастилию, как некий символ, и 14 июля. Взятие Бастилии это, как правило, порыв, праздник, в котором жаждущий свободы народ противостоял тюрьме. О насилии в этот день практически никто не вспоминал. День 14 июля ассоциировался с освобождением от старого порядка, воплощающего голод, нищету и деспотизм. Революция чаще всего воспринималась не как процесс, но как разрыв⁴⁴. Общее отношение к Революции было весьма позитивным, ее смысл прочно связывался с Республикой: «Революция – это хорошо, потому что это – Республика». Революция соединялась с девизом Республики: «Свобода, Равенство, Братство». Эти исследования ученых во многом подтвердили и опросы общественного мнения, проведенные накануне 1989 г. компанией IPSOS⁴⁵.

В интерпретациях данных опросов проявляются и субъективные установки историков, которые связывая прошлое с настоящим, размышляют о современных восприятиях давно ушедших событий и героев. По сути, это «исследовательские свидетельства о свидетельствах» или «история во второй степени». В подобных «свидетельствах» причудливо переплетаются история и память, прошлое, настоящее и будущее, т.е. историческое время как единый концепт⁴⁶. История предстает как напряженная связь не только между прошлым и настоящим, но и между прошлым и будущим. Анализируя данные опросов 1991 года историки пришли к выводу, что для большинства опрошенных «революция вошла в историю уже далекую», которую люди вспоминали в практике бриколажа, не слишком заботясь о соответствии своих представлений современным научным данным. В ответах опрашиваемых было и немало традиционных идей. Например, одна из них заключалась в том, что подлинная революция еще впереди.

⁴⁴ Garcia 2000. P. 21.

⁴⁵ Эта компания, изучающая общественное мнение по широкому кругу вопросов, является одной из самых авторитетных в мире.

⁴⁶ «Концепты прошлого, настоящего и будущего, – пишет Н. Элиас, – выражают отношение, которое устанавливается между серией изменений и опытом, который извлекает из них отдельная личность или группа. Мгновение, определенное внутри слитного потока, принимает вид настоящего только в соотношении с человеческим индивидом, который его проживает, в то время как другие принимают вид прошлого или будущего. В качестве символизации прожитых периодов эти три выражения представляют собой не просто такие последовательности, как астрономический год или логическая пара “причина-следствие”, но также и одновременное присутствие этих трех измерений времени в человеческом опыте. Можно сказать, что прошлое, настоящее и будущее составляют, хотя речь и идет о трех различных словах, единый концепт». (Elias N. Du Temps. P., 1997 [1984]. P. 69-70, 86. Цит. по: Артог 2008).

Сегодня, большая часть французов видит в Революции разрыв в порядке вещей, который принес с собой демократию и обозначил начало новой эпохи *modernité*. Собственно, современная история во Франции, так называемая контампоранеистика, до сих пор начинается с Революции. Люди, считающие Революцию апокалипсисом, явно уступают большинству, воспринимающему ее как часть культурного наследия.

Французская революция XVIII века это, прежде всего, обещание нового будущего, открытие времени в еще несуществующей форме⁴⁷. Исключительный статус революционного периода конца XVIII в. в истории и памяти французов обусловлен одновременно небывалой новаторской энергией самого события и многочисленными символическими реинвестициями, объектом которых оно было на протяжении длительного времени. Французские историки убедительно показали, что изучение репрезентаций этой революции позволяет одновременно проследить важные изменения в социуме и выявить доминирующее в нем отношение к политике. Кроме того, изучение коммемораций Революции позволило понять природу инструментального использования истории и вновь поставить вопрос об ответственности историков.

Революция взрывает «континуум истории» (В. Беньямин) и именно поэтому она так трудна для понимания. Столкновение различных точек зрения, бесконечное обсуждение смыслов происходящего, соперничество между историей и памятью объясняются также тем, что не только для французов, но и для всей Европы Революция была весьма травматичным событием. Вплоть до того, что некоторые завоеванные Францией страны буквально утратили память об этом французском периоде своей истории. В Бельгии, Италии, Швеции, Испании, Нидерландах история в революционное десятилетие, по мнению П. Гарсия, сводится к обсуждению французских вымогательств и предательства коллаборационистов. Большинство жителей этих стран в это время оставалось пассивным⁴⁸. «Событие травматично не столько потому, что оно ужасно, сколько потому, что оно непостижимо», – пишет современный социолог. «Оно бросает вызов пониманию, встряхивает и разрушает базисные допущения о мире, особенно самые хрупкие из них, согласно которым мир осмыслен, Я – позитивно, а другим можно доверять и сочувствовать. Травма остается в культуре знаком невозможности пол-

⁴⁷ «Историческое познание не ограничивается лишь осмыслением прошлого, – пишет французский историк, – но включает в себя и размышления о будущем. История является носителем видения будущего, потому что, защищая способность критического разума понять то, что иногда кажется непостижимым, она на самом деле поддерживает волю к мысли и сопротивлению тому, что угрожает этому будущему. Именно в этом заключается смысл битвы за преподавание живой истории, которая не сводится к комментированию актуальных новостей». Duclert 2010.

⁴⁸ Garcia 2000. P. 27.

ного знания, концентрируя в себе истину события, ускользающую от опосредования и ассимиляции коллективным или индивидуальным мировоззрением»⁴⁹. Не удивительно, что в начале XXI века явно возрос интерес к эмоциональным составляющим революционной событийности в контексте обновленной истории эмоций⁵⁰.

М. Ямпольский, анализируя современную интеллектуальную ситуацию и состояние исторического знания предлагает «мыслить историю как уникальную констелляцию»⁵¹. Судьба Французской революции как важнейшего исторического события, на мой взгляд, яркое свидетельство такой сингулярности. Она многократно представлена в литературе как событие прошлого и одновременно как совокупность бесчисленного множества сложных образов, рождающихся в стремительно меняющихся контекстах французской и мировой истории на пересечении научного дискурса и коллективной памяти. В ее осмыслении есть не только предметность, но и разрывы. Выявляя и объясняя их, историки способствуют дефатализации прошлого и обосновывают важность забвения, как основы для сохранения изменчивости мира во всем многообразии его различий и неопределенностей⁵².

Среди опытов памяти, с которыми мы постоянно сталкиваемся, коммеморации занимают особое место. Вместе с многочисленными публикациями и сопровождающей их полемикой они оказывают значительное влияние на ритмы политической жизни и историческое сознание. Исследователи коммемораций убедительно показали, что их характер определяется не только календарем. Коммеморация – это всегда выбор и социально-политическое действие, в котором встречаются политическая воля, научный дискурс, коллективное воображаемое и особая чувствительность социума к таким мероприятиям. Задача такого «полусобытия» заключается в том, чтобы укрепить чувство общности, социальной связи вокруг обсуждаемого явления. Иными словами, главная цель таких мероприятий – поддержание идентичностей разных уровней. И в этом также присутствует перспектива будущего. Еще В Гюго сказал: «Отмечать великие даты – значит готовить великие свершения»⁵³.

⁴⁹ Травма: пункты. 2009.

⁵⁰ См., напр. Rosenfeld 2009.

⁵¹ Ямпольский 2007.

⁵² «В ретроспективном плане лучший способ выстраивания доверия и строительства общего будущего – не помнить, а забыть. – Жизнь была бы невыносима, если бы все только помнили и накапливали. Нет, историческая память наша обязана быть дырявой, многое в ней просто должно кануть в Лету – окончательно, необратимо, безвозвратно. Забыть – значит искать решение актуальных или сегодняшних проблем не в прошлом, а в будущем. Забывание и связанное с ним, по умолчанию, прощение, можно рассматривать как форму моральной самозащиты». Гречко 2008.

⁵³ Cité par F. Mitterrand. Allocution à l'occasion de la présentation des archives de la Révolution Française. La Sorbonne. 15 janvier 1988.

Опыт осмысления революции XVIII в. за последние двести лет весьма поучителен и в плане понимания особенностей исторического ремесла. В нем как в зеркале с неизбежными искажениями и со столь же убедительным правдоподобием «отражается» сложность любого объекта исторического исследования, неизбежность его включения в контекст настоящего, в котором работает историк и от которого зависит его социализация, мировоззрение, профессиональные установки, так или иначе включенные в политическое и социокультурное пространство каждого конкретного момента.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антропологическая история: подходы и проблемы. Материалы российско-французского научного семинара. Часть II. М. 2000.
- Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас 2008, № 3 (59).
- Блан Л. История Французской революции 1789 года. Т. 1–12. СПб., 1908.
- Вжосек В. Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей: Человек в истории 1991. М.: Наука. 1991. 192 с.
- Гордон А.В. Судьбы революционного наследия: Октябрьская, Февральская и Французская революции // Обозреватель–Observer. 2012. № 8. С. 92–105.
- Гречко П.К. Социальная теория современности М. 2008. 290 с.
- Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
- Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. 2012. 260 с.
- Кинэ Э. Революция и критика ее. Т. 1–2. М. 1908.
- Ламартин А. Жирондисты. Т. 1–6. СПб., 1911.
- Литвин Т.В. Интериорность, чувственность, контингентность – почему эти понятия принципиально не переводимы? // Artetculte. Актукульт. № 7 (3-2012).
- Магун А. Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64.
- Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. СПб. 1906.
- Мирзаханов В.С. XIX век в мировой истории (к выходу V тома “Всемирной истории”) // Новая и новейшая история, 2015. № 4. С. 3-19.
- Мягкова Е.М. Время в Революции и Революция во времени: десять лет, которые потрясли мир // Проблемы исторического познания. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 214-225.
- Травма: пункты. Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение. 2009. 936 с.
- Тьер А. История Французской революции. Т. 1–5. СПб. 1873–77.
- Тэн И. Происхождение общественного строя современной Франции. Т. 1–5. СПб., 1907.
- Фюре Ф. Постигание французской революции. Санкт-Петербург: Инапресс. 1998.
- Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem. 1998.
- Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». М.: Ингер-Версо. 1991. 272 с.
- Чеканцева З.А. «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под. ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 55-74.
- Чеканцева З.А. Между Сфинксом и Фениксом: историческое событие в контексте рефлексивного поворота по-французски // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 14-30.
- Чеканцева З.А. Эпистемологическое обновление историописания и Французская революция XVIII века // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о французской революции конца XVIII века. М.: МГУ. 2003.
- Чертова Г.С. Об антиномии свободы и равенства и проблеме выбора // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., ИВИ РАН. 1989.

- Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.
- Amalvi Ch. L'Histoire pour tous: la vulgarisation historique en France d'Augustin Thierry a Ernest Lavisse 1814–1914. Paris. 1995.
- Amalvi Ch. (dir.). Les Lieux de l'histoire. Paris : Armand Colin, 2005. 411 p.
- Belloin G. Entendez-vous dans nos mémoires ?, Paris, La Découverte, 1989.
- Bensa A. et Fassin E. Les sciences sociales face à l'événement // Terrain. N 38, mars 2002, pp. 5-20.
- Betourné O. et Hartig A. Penser l'histoire de la Révolution. Deux siècles de passion française. Paris : La Découverte. 1989.
- Biard M. dir. La Révolution française . Une histoire toujours vivante. Tallandier. 2010.
- Certeau M. de, Julia D., Revel J. Une politique de la langue: la Révolution française et les patois : l'enquête de Grégoire. Editions Gallimard, 2002 . 472 p.
- Charle Ch. Discordance des temps. Une brève histoire de la modernité, Le temps des idées, Paris, Armand Colin, 2011, 494 p.
- Dosse F. Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. PUF, 2010.
- Duclert V. L'avenir de l'histoire. Paris: Armand Colin, 2010.
- Dupront A. Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Escudier A. «Temporalisation » et modernité politique : penser avec Koselleck » //Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2009/6 (64e année), p. 1269-1301.
- EspacesTemps. Concevoir la Révolution : 89, 68 confrontations. n° 38/39, 1988.
- Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. 2002. N. 38, pp. 69-78.
- Furet F. (dir.) L'héritage de la Révolution française, Paris, Hachette, 1989.
- Garcia P. François Mitterrand, chef de l'Etat, commémorateur et citoyen// Mots, n°31, juin 1992. 1789 : Révolution française / 1989 : Bicentenaire. Gestes d'une commémoration. pp. 5-26. URL : http://www.persee.fr/doc/mots_0243-6450_1992_num_31_1_1696
- Garcia P. La révolution momifiée // Espaces Temps, 38-39, 1988. URL: http://www.persee.fr/doc/espat_0339-3267_1988_num_38_1_3416
- Garcia P. Le Bicentenaire de la Révolution française. Pratiques sociales d'une commémoration, préface de Michel Vovelle. Paris: CNRS édition. 2000. 355 p.
- Garcia P., Lévy J., et Mattei M.-F. Révolutions, suite et fin. Les mutations du changement social et de ses représentations saisies à travers l'image de la Révolution française et les pratiques du Bicentenaire. P.: Espaces Temps et Centre Georges-Pompidou, 1991. 334 p.
- Guilhaumou J. De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // Genèses. 2000. N 38. P. 105-118.
- Guilhaumou J. Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartig F. Croire en l'histoire . Paris: Flammarion. 2013.
- Hartig F. et Lenclud G. Régimes d'historicité // Dutu A. et Norbert Dodille N. (dir.). L'État des lieux en sciences sociales. Paris: L'Harmattan, 1993. P. 18-38.
- Hartig F. Evidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. P.: Editions de l'ENESS, 2005.
- Hartig F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.; Seuil, 2003.
- Hartig F., Revel J. (dir.). Les usages politiques du passé. Paris.: Ed. de l'ÉHÉSS, 2001.
- Historiographies. Concepts et débats. Sous la direction de Delacroix C., Dosse F., Garcia P. et Offenstadt N. Paris: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 1–2.
- Kaplan S.L. Adieu 89. Paris: Fayard. 1993. 903 p.
- Koselleck R. Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990. 334 p.
- Koselleck R. Critères historiques du concept de révolution des Temps modernes // Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques. Paris, Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. 1990.

- Koselleck R. L'expérience de l'Histoire. Paris : Gallimard/Seuil, 1997. 247 p.
- Le Goff J. Histoire et mémoire. 1988 (1986), p. 172-173.
- Martin J.-C. (dir.), La Révolution à l'oeuvre. Perspectives actuelles dans l'histoire de la Révolution française. Rennes : Presses Universitaires de Rennes. 2005. 375 p.
- Martin J.-C. La Vendée, région-mémoire // Les Lieux de mémoire, vol. 1, p. 519-534.
- Martin J.-C., Suaud Ch. Le Puy du fou. L'histoire mise en scène. P.: L'Harmattan. 1996.
- Martin J.-C. Histoire, mémoire et oubli pour un autre régime d'historicité // Revue d'histoire moderne et contemporaine, 2000/4 no 47-4, p. 783-804.
- Martin J.-C. Violence et révolution: Essai sur la naissance d'un mythe national. P., 2006. 308 p.
- Michelet J. Histoire de la Révolution française. T. 1-7. P. 1846-1857.
- Morin E. Espace Temps. L'ère des ruptures// Espaces Temps. 1988. N 38-39. Concevoir la révolution. 89, 68, confrontations. pp. 41-44. URL: http://www.persee.fr/doc/espaspat_0339-3267_1988_num_38_1_3422
- Münch Ph. La foule révolutionnaire, l'imaginaire du complot et la violence fondatrice : aux origines de la nation française (1789) // Conserveries mémorielles [En ligne], No. 8 | 2010, mis en ligne le 25 septembre 2010, consulté le 27 mai 2016. URL: <http://cm.revues.org/725>
- Netter M.-L. La Révolution n'est pas terminée. Paris : PUF. 1989.
- Nora P. (dir.). Les Lieux de mémoires. Paris : Gallimard. 7 tomes. 1984-1992.
- Ory P. Le centenaire de la Révolution française // Nora P. (dir.) Les Lieux de mémoire. Vol. I. 466 p..
- Pomian K. L'ordre du temps. Paris: Gallimard. 1984. 384 p.
- Pomian K. L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 30e année, N.5, 1975. pp. 935-952; http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1975_num_30_5_293657
- Qu'est-ce qu'un événement? // Terrain. Revue d'ethnologie de l'Europe. N 38, mars 2002.
- Robin R. Histoire et linguistique. Paris: A. Colin, 1973..
- Rosenfeld S. Thinking about Feeling, 1789-1799 // French Historical Studies. 2009. Vol. 32. No. 4. 2009.
- Stael G. Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. P. , 1818.
- Tocqueville A. L'Ancien Régime et la Révolution. P., 1866-1878.
- Vovelle M. (dir.), Recherches sur la Révolution Paris, La Découverte/Institut d'histoire de la Révolution française/Société d'études robespierristes, 1991. 544 p.
- Vovelle M. Combats pour la Révolution française. Paris. La Découverte, SER. 1993.
- Vovelle M., Le Monnier D. Les colloques du Bicentenaire. Paris: La Découverte. Institut d'histoire de la Révolution. Paris. 1991. 600 p.
- Wahnich S. La longue patience du peuple, 1792: Naissance de la République. Paris, 2008.
- Zanon D. Écrire son temps. Les Mémoires en France de 1815 à 1848. Presses Universitaires de Lyon. 2007. 416 p.

REFERENCES

- Antropologicheskaya istoriya: podhody i problemy.* Materialyi rossiysko-frantsuzskogo nauchnogo seminar. Chast II. M. 2000.
- Artog F. Vremena mira, istoriya, istoricheskoe pismo // *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2007. N 83.
- Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti // *Neprikosnovennyi zapas*» 2008, № 3 (59).
- Blan L. *Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii 1789 goda.* T. 1-12. SPb. 1908.
- Vzhocek V. *Istoriografiya kak igra metafor: sudby «novoy istoricheskoy nauki»*// *Odissey: Chelovek v istorii* 1991. M.: Nauka, 1991.
- Gordon A.V. *Sudby revolyutsionnogo naslediya: Oktyabrskaya, Fevral'skaya i Frantsuzskaya revolyutsii* // *Obozrevatel-Observer.* 2012. N 8. S. 92-105.
- Grechko P.K. *Sotsialnaya teoriya sovremennosti* M. 2008. 290 s.

- DelYoz Zh. Logika smysla. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. 480 s.
- Zhizhek S. God nevozmozhnogo. Iskustvo mechtat opasno. 2012. 260 s.
- Kine E. Revolyutsiya i kritika ee. T. 1–2. M. 1908.
- Lamartin A. Zhirondisty. T. 1-6. SPb., 1911 .
- Litvin T.V. Interiornost, chuvstvennost, kontingentnost – pochemu eti ponyatiya printsipialno ne perevodimy?//Artetculte. Aktikult. N 7 (3-2012).
- Magun A. Opyit i ponyatie revolyutsii //Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, N 64.
- Mine F. Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii s 1789 po 1814 gg. SPb. 1906.
- Mirzehanov V.S. XIX vek v mirovoy istorii (k vyihodu V toma “Vsemirnoy istorii”) // Novaya i noveyshaya istoriya, 2015, N 4. S. 3-19.
- Myagkova E.M. Vremya v Revolyutsii i Revolyutsiya vo vremeni: desyat let, kotoryie potryasli mir // Problemy istoricheskogo poznaniya. M.:IVI RAN. 2008. S.214-225.
- Travma: punkty. Sbornik statey / Sost. S.Ushakin i E. Trubina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. 936 s.
- Ter A. Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii. T. 1–5. SPb. 1873–77.
- Ten I. Proishozhdenie obschestvennogo stroya sovremennoy Frantsii. T. 1–5. SPb., 1907.
- Fyure F. Postizhenie frantsuzskoy revolyutsii. Sankt-Peterburg: Inapress. 1998. (fr. 1978, 1986)
- Fyure F. proshloe odnoy illyuzii. M.: Ad Marginem. 1998.
- Hobsbaum E. Eho «Marselezyi». M.: Inter-Verso. 1991. 272 s.
- Chekantseva Z.A. «Narrativnoe» vremya istorika // Istorieskaya nauka segodnya: Teorii, meto-dyi, perspektivy / pod. red. L.P. Repinoy. M.: Izd-vo LKI, 2011. S. 55-74.
- Chekantseva Z.A. Mezhdru Sfinksom i Feniksom: istoricheskoe sobyitie v kontekste releksivnogo povorota po-frantsuzski // Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoy istorii. 48. M. IVI RAN, 2014. S.14-30.
- Chekantseva Z.A. Epistemologicheskoe obnovenie istoriopisaniya i Frantsuzskaya revolyutsiya XVIII veka // Pamyati professora A.V. Ado. Sovremennyye issledovaniya o frantsuzskoy revolyutsii kontsa XVIII veka. M.: MGU. 2003.
- Chertkova G.S. Ob antinomii svobody i ravenstva i probleme vyibora // Aktualnyie problemy izucheniya istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. M. IVI RAN. 1989.
- Yampolskiy M. Nastoyashee kak razryiv. Zametki ob istorii i pamyati // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. N 83.
- Amalvi Ch. L'Histoire pour tous: la vulgarisation historique en France d'Augustin Thierry a Ernest Lavisse 1814 – 1914. Paris. 1995.
- Amalvi Ch.(dir.). Les Lieux de l'histoire. Paris : Armand Colin, 2005. 411 p.
- Belloin G. Entendez-vous dans nos mémoires ?, Paris, La Découverte, 1989.
- Bensa A., Fassin E. Les sciences sociales face à l'événement // Terrain. N 38, mars 2002, p. 5-20.
- Betourné O. et Hartig A. Penser l'histoire de la Révolution. Deux siècles de passion française. Paris : La Découverte.1989.
- Biard M. dir. La Révolution française. Une histoire toujours vivante. Tallandier. 2010.
- Certeau M. de, Julia D., Revel J. Une politique de la langue: la Révolution française et les patois : l'enquête de Grégoire. Editions Gallimard, 2002 . 472 p.
- Charle Ch. Discordance des temps. Une brève histoire de la modernité, Le temps des idées, Paris, Armand Colin, 2011, 494 p.
- Dosse F. Renaissance de l'événement.Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. PUF, 2010.
- Duclert V. L'avenir de l'histoire. Paris: Armand Colin, 2010.
- Dupront A. Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Escudier A. «Temporalisation » et modernité politique: penser avec Koselleck » //Annales. Histoire, Sciences Sociales. 2009/6 (64e année), p. 1269-1301.
- EspacesTemps. Concevoir la Révolution : 89, 68 confrontations. n° 38/39, 1988.
- Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. 2002. N. 38, pp. 69-78.

- Furet F. (dir.) *L'héritage de la Révolution française*, Paris, Hachette, 1989.
- Garcia P. François Mitterrand, chef de l'Etat, commémorateur et citoyen // *Mots*, n°31, juin 1992. 1789 : Révolution française / 1989 : Bicentenaire. Gestes d'une commémoration. pp. 5-26 . URL: http://www.persee.fr/doc/mots_0243-6450_1992_num_31_1_1696
- Garcia P. La révolution momifiée // *Espaces Temps*, 38-39, 1988. URL: http://www.persee.fr/doc/espat_0339-3267_1988_num_38_1_3416
- Garcia P. Le Bicentenaire de la Révolution française. Pratiques sociales d'une commémoration, préface de Michel Vovelle. Paris: CNRS édition. 2000. 355 p.
- Garcia P., Lévy J., et Mattei M.-F. Révolutions, suite et fin. Les mutations du changement social et de ses représentations saisies à travers l'image de la Révolution française et les pratiques du Bicentenaire. P., *Espaces Temps et Centre Georges-Pompidou*, 1991. 334 p.
- Guilhaumou J. De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // *Genèses*. 2000. N 38. P. 105-118.
- Guilhaumou J. Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartog F. Croire en l'histoire . Paris: Flammarion. 2013. P. 10.
- Hartog F. et Lenclud G. Régimes d'historicité // Dutu A. et Norbert Dodille N. (dir.). *L'État des lieux en sciences sociales*, Paris, L'Harmattan, 1993. P. 18-38.
- Hartog F. Evidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. P.: Editions de l'ENESS. 2005.
- Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. P.: Seuil , 2003.
- Hartog F., Revel J. (dir.). *Les usages politiques du passé*. Paris.: ÉHÉSS, 2001.
- Historiographies. Concepts et débats / Sous la dir. de Delacroix C., Dosse F., Garcia P. et Offenstadt N. Paris: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 1–2.
- Kaplan S.L. Adieu 89. Paris: Fayard. 1993. 903 p.
- Koselleck R. Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990. 334 p.
- Koselleck R. L'expérience de l'Histoire. Paris : Gallimard/Seuil, 1997. 247 p.
- Koselleck R. Critères historiques du concept de révolution des Temps modernes // *Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques*. Paris, Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. 1990. P. 64.
- Le Goff J. Histoire et mémoire, 1988 (1986), p. 172-173
- Martin J.-C. (dir.), *La Révolution à l'oeuvre. Perspectives actuelles dans l'histoire de la Révolution française*. Rennes : Presses Universitaires de Rennes . 2005. 375 p.
- Martin J.-C. La Vendée, région-mémoire // *Les Lieux de mémoire*, vol. 1, p. 519-534.
- Martin J.-C., Suaud Ch. Le Puy du fou. L'histoire mise en scène. P.: L'Harmattan. 1996.
- Martin J.-C. Histoire, mémoire et oubli pour un autre régime d'historicité // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 2000/4 no 47-4, p. 783-804.
- Martin J.-C. Violence et révolution: Essai sur la naissance d'un mythe national. P. , 2006. 308 p.
- Michelet J. Histoire de la Révolution française. T. 1–7. P. 1846–1857.
- Morin E. EspaceTemps. L'ère des ruptures // *Espaces Temps*. 1988. N 38-39. Concevoir la révolution. 89, 68, confrontations, pp. 41-44.
- Münch Ph. La foule révolutionnaire, l'imaginaire du complot et la violence fondatrice : aux origines de la nation française (1789) // *Conserveries mémorielles [En ligne]*, N 8 | 2010, mis en ligne le 25 septembre 2010, consulté le 27 mai 2016. URL : <http://cm.revues.org/725>
- Netter M.-L. *La Révolution n'est pas terminée*. Paris : PUF. 1989.
- Nora P. (dir.). *Les Lieux de mémoires*. Paris : Gallimard. 7 tomes. 1984-1992.
- Ory P. Le centenaire de la Révolution française // Nora P. (dir.) *Les Lieux de mémoire*. Vol. I. 466 p.
- Pomian K. L'ordre du temps. Paris: Gallimard. 1984. 384 p.
- Pomian K. L'histoire de la science et l'histoire de l'histoire // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 30e année, N.5, 1975. pp. 935-952; http://www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1975_num_30_5_293657

- Qu'est-ce qu'un événement? // Terrain. Revue d'ethnologie de l'Europe. N 38, mars 2002.
- Revel J. Ressources narratives et connaissance historique. Enquête. 1995. N 1, pp. 43-70.
- Robin R. Histoire et linguistique. Paris: A. Colin, 1973.
- Rosenfeld S. Thinking about Feeling, 1789–1799 // French Historical Studies. 2009. Vol. 32. No. 4.
- Stael G. Considérations sur les principaux événements de la Révolution française. P., 1818.
- Tocqueville A. L'Ancien Régime et la Révolution. Paris, 1866–1878.
- Vovelle M. (dir.), Recherches sur la Révolution Paris, La Découverte/Institut d'histoire de la Révolution française/Société d'études robespierristes, 1991. 544 p.
- Vovelle M. Combats pour la Révolution française. Paris. La Découverte, SER. 1993.
- Vovelle M., Le Monnier D. Les colloques du Bicentenaire. Paris: La Découverte. Institut d'histoire de la Révolution. P., 1991. 600 p.
- Wahnich S. La longue patience du peuple, 1792: Naissance de la République. P., 2008.
- Zanon D. Écrire son temps. Les Mémoires en France de 1815 à 1848. Presses Universitaires de Lyon. 2007. 416 p.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru

The French Revolution of the 18th century as a future event between scientific discourse and memory's mirrors

The French Revolution of the 18th century is one of the most important events of national as well as of world history. Its characters, principles and images are widely known. Additionally, the Revolution is a place of memory, which today continues to fuel the modern history / historiography, making its way between ideologies, memories and political struggle. Not surprisingly, there are libraries full of books about this event in France and abroad. However, the Revolution continues to conceal his meaning, in the traditional sense of the events with its causes and context, "slipping into the future" (S. Zizek). The article based on the works of French intellectuals shows (through the prism of changing the "order of time") how over the course of two centuries, the image of the revolutionary decade that shook the world was transformed at the intersection of scientific discourse, commemorative practices and social representations in the French society.

Keywords: French Revolution, a historical event, memory, historical time, historicity, history' contingency, historical epistemology

Zinaida Chekantseva, Dr.Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science; achekantzev@mail.ru